

нении Чехословакии, что стало кульминацией политики «умиротворения» фашистских агрессоров. Это был шаг к развязыванию войны. Следует при этом заметить, что во главе правительств Великобритании и Франции стояли уже другие люди — Н. Чемберлен и Э. Даладье. Но логика событий была такова, что и Англия и Франция (а также США) оказались во Второй мировой войне в одной с Советским Союзом антигитлеровской коалиции.

д) Советский Союз и Германия

✓ Германия раньше других европейских держав стала на путь делового сотрудничества с советской республикой. Еще Брест-Литовским мирным договором 1918 г. было предусмотрено возобновление торгово-экономических отношений. Была создана смешанная русско-германская комиссия. Гражданская война на территории России и иностранная военная интервенция отодвинули на время осуществление экономического сотрудничества между двумя странами.

✓ Затем советское правительство во главе с В.И. Лениным приложило немало усилий для реализации курса на развитие связей с Германией. В этом большое значение сыграло заключение в Рапалло советско-германского соглашения 16 апреля 1922 г. (во время работы Генуэзской конференции). В нем речь шла о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий, а также о торгово-экономических связях. Рапалльский договор означал прорыв экономической и политической блокады Советской России.

О развитии отношений между двумя странами опубликовано немало работ¹. В данном труде мы рассматриваем лишь документы, хранящиеся в личном архивном фонде И.В. Сталина.

✓ После подписания соглашения в Рапалло между двумя странами стало шаг за шагом разворачиваться и сотрудничество в военной области.

Наш полпред в Берлине Н.Н. Крестинский 19 августа 1922 г. обратился к наркомвоенмору Л.Д. Троцкому с письмом (копия

---

¹ Среди них см. две наши книги: Хромов С.С. Леонид Красин. Известные страницы биографии. 1920—1926 гг.; Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР. Ч. I—II. М., 2006.

была послана Сталину), в котором просил прислать в Берлин «военного — типа Фрунзе, Тухачевского или Лебедева». Троцкий предложил послать М.Н. Тухачевского¹.

✓ Последующие шаги в области военного сотрудничества получили освещение в ряде трудов отечественных авторов. Поэтому сразу останавливаем внимание читателя на событиях конца 1928 г.

28 декабря 1928 г. полпред Н.Н. Крестинский направил Сталину послание (копия Ворошилову и Литвинову). Сталин ознакомился с документом и на первой странице пометил: «Личн. арх. Ст.».

Полпред сообщал, что военный атташе СССР в Германии А.И. Корк, вернувшись из Москвы, передал ему, что он не мог получить директивы, т.к. Политбюро образовало комиссию по вопросу о сотрудничестве между Красной армией и рейхсвером. Автор письма напомнил, что СССР посылает ежегодно в течение 3—4 лет группы командиров на германские маневры. Причем в последние 2 года посылали «ответственных командиров» для прохождения в германской военной академии практического и теоретического курса. В свою очередь немцы посещают маневры Красной армии. Плюс к этому рейхсвер организует на советской территории военно-технические школы, которые по Версальскому договору в Германии существовать не могут. Уже три года существуют в СССР немецкие школы летчиков, танкистов и химиков (последнее — не школа, а ячейка для производства авиахимических опытов).

Полпред затем подробно осветил все виды военного сотрудничества двух стран.

Начиная с 1927 г. Уборевич пробыл в Германии 13 месяцев, а Эйдеман и Аппога² — около трех с половиной месяцев. Им, «особенно Уборевичу, в рейхсвере были открыты почти все

---

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 755. Л. 1. М.В. Фрунзе в то время — командующий вооруженными силами Украины и Крыма, зам. пред. СНК УССР, зам. пред. Украинского экономического совета; М.Н. Тухачевский — командующий Западным фронтом; П.П. Лебедев — нач. полевого штаба и штаба РККА, нач. Военной академии РККА.

² И.П. Уборевич с 1925 г. был командующим Северокавказским военным округом, с 1928 г. — ком. Московским военным округом; Р.П. Эйдеман — ком. войсками Сибирского военного округа; Э.Ф. Аппога — начальник отдела Генштаба.

двери...». К Уборевичу немцы относились с особой симпатией — «он несомненно может считаться сейчас одним из лучших иностранных (а не только русских) знатоков современной германской армии». Полпред далее утверждал, что «в своих предприятиях в СССР немцы... очень заинтересованы, хотят их расширить, увязать там некоторые средства с расчетом на ряд лет работы».

Наши военные работники «получают в Германии современную военную школу». А немцы, приезжая к нам, убеждаются в силе нашей армии. «А это один из шансов, уменьшающих опасность нападения на нас». Тем самым поддерживаются симпатии к нашим военным, которые раньше основывались на соображениях «совместной вражды к Польше и отчасти к Антанте».

Военные школы немцев у нас «увязывают... весь рейхсвер как таковой с нами».

По мнению Крестинского, неубедителен довод о возможности ведения немцами разведки в СССР. Необходимыми сведениями о Красной армии располагает военный атташе Германский независимо от упомянутых немецких военных учреждений, действующих на территории СССР. Если же мы откажемся от военного сотрудничества, утверждал полпред, то мы потеряем связь с современной армией, а немцы будут искать ориентацию на другие страны.

Было бы нелишне, по мнению автора письма, наладить сотрудничество и в военно-морской области¹.

Ознакомившись с текстом послания, Сталин не сделал никаких комментариев, а лишь пометил: «Личный архив». Он не дал никому никаких поручений, зная, что копию письма получили Ворошилов и Литвинов, видимо, сочтя достаточным круг людей, знакомых с этим текстом.

Конечно, было бы неоправданно проигнорировать позицию Крестинского, который с марта 1919 г. входил в качестве члена в состав Политбюро (вместе с Л.Б. Каменевым, В.И. Лениным, И.В. Сталиным, Л.Д. Троцким). Он избирался также секретарем ЦК РКП(б), и лишь после направления его полпредом в Германию в 1921 г. более не занимал соответствующих постов в ЦК. Но был членом ВЦИК и ЦИК СССР, а с 1930 г. занял пост заместителя наркома по иностранным

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 755.

делам СССР. Во всяком случае, военное сотрудничество продолжалось, и лишь в 1936—1937 гг. вся группа упомянутых военачальников, а также дипломат Н.Н. Крестянский были обвинены в шпионаже в пользу Германии, арестованы, а затем осуждены и расстреляны.

Малоизвестный эпизод из истории военно-технического сотрудничества с Германией связан с именем немецкого инженера Э. Гроте. Он был приглашен в СССР в 1931 г. для разработки среднего танка. 25 августа 1931 г. Сталин сообщал Поскребышеву для Кирова: «Ни в коем случае нельзя отпускать Гроте в Германию. Принять надо все меры вплоть до ареста и заставить его подготовить танк для сдачи на массовое заводское производство. Его нельзя будет отпускать в Германию и после подготовки дела для массового производства, так как может выдать тайну. Установите за ним самую тщательную слежку за ответственностью Медведя. Никуда ни на один час не отпускайте его.

Сталин»¹.

Мы уже отмечали в другом разделе роль Сталина в оценке революционных событий, имевших место в Германии в 1923 г. Отметим лишь пророческую запись генсека, сохранившуюся в его личном архиве: «Поражение революции в Германии есть шаг войны с Россией»².

Заслуживает внимания историков международных отношений оценка Сталиным договоров, подготовленных в швейцарском городе Локарно в октябре 1925 г. на конференции министров иностранных дел Бельгии, Великобритании, Германии, Италии и Франции, а также Польши и Чехословакии. Договоры были подписаны 1 декабря 1925 г. в Лондоне. Непосредственным поводом к созыву конференции послужил меморандум правительства Германии правительству Великобритании с предложением о заключении западноевропейского гарантийного пакта. На конференции были парафированы 9 документов. Среди них пакт между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией (Рейнский гарантийный пакт 1925 г.);

---

¹ Там же. Д. 76. Л. 42—43. Экспериментальный танк ТГ (танк Гроте) не был запущен в массовое производство, в 1933 г. инженер отбыл в Германию. Ф.Д. Медведь — с 1930 г. начальник Ленинградского управления НКВД.

² Там же. Д. 25. Л. 101. *Автограф без даты.*

арбитражные двухсторонние соглашения, в каждом из которых одной из сторон была Германия. В соответствии с пактом гарантировалась неприкосновенность германо-бельгийской и германо-французской границ в соответствии с Версальским мирным договором 1919 г. или во исполнение его, а также относительно демилитаризации Рейнской области.

Великобритания, а также Франция рассчитывали использовать указанные соглашения в целях создания антисоветской группировки европейских государств. Но это намерение было существенно ослаблено заключением в 1926 г. советско-германского договора о ненападении и нейтралитете.

В марте 1936 г. Локарнские договоры в одностороннем порядке были расторгнуты гитлеровской Германией, и в демилитаризованную Рейнскую область были введены немецкие войска.

Сталин дал свою оценку локарнским соглашениям в политическом отчете ЦК партии на XIV съезде в декабре 1925 г.¹ В его личном фонде архива хранится документ, который можно рассматривать как заготовку к отчетному докладу на XIV съезде. Приводим его текст:

«К главе о Локарно

1) Хотят повторить историю “гарантийных пактов”, имевших место до Фр[анко]-Прусской войны. И тогда, и теперь работа по перегруппировке сил для новой войны прикрывается фразой об обеспечении мира (гарантия мира).

Привести один—два примера о гарантийных пактах мира (для публики) с секретными пунктами о войне.

Но тут есть разница.

а) Там победитель был один (Пруссия), здесь два, Франция и Англия, борющиеся меж собой.

б) Там Россия была орудием, резервом и пушечным мясом империалистических клик и коалиции на Западе, — здесь (теперь) Россия не может быть и не будет ни орудием, ни резервом, ни пушечным мясом буржуазных государств.

2) Происки английских консерваторов в Польше и опасность интервенции»².

Текст этого документа не во всем совпадает с текстом упомянутой части доклада на XIV съезде ВКП(б). Однако основ-

¹ См.: Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 273—274.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 23. Л. 126. Автограф — Л. 127.

ная оценка Локарно и в докладе и в приводимом документе идентична. Это подтверждает наше мнение, что архивный источник можно рассматривать как набросок к соответствующему разделу доклада на съезде.

В 1927—1928 гг. шли длительные переговоры советской делегации с немцами относительно заключения нового соглашения о торгово-экономических отношениях. Негативную роль в этом деле сыграл арест немецких специалистов по т.н. шахтинскому делу. В связи с этим 17 марта 1928 г. полпред Н.Н. Крестинский направил письмо Сталину (копию — Чичерину). В нем он отмечал, что в связи с шахтинским делом была арестована группа немецких специалистов, в том числе некто Гольдштейн, который, по его мнению, невиновен, поэтому он просил его освободить¹.

Сталин ответил Крестинскому 21 марта (копию направил Шлейферу и Чичерину). Он не согласился с предложением полпреда. «По всей линии вопросов, — писал генсек, — ...немцы лишь воспользовались арестами, чтобы взвалить на нас вину за перерыв (в переговорах)... А Крестинский и Шлейфер, саботируя решение ЦК партии о немедленном отъезде в Москву, помогли немцам ущемить нас», советскую делегацию вывели «с позором из Берлина». «Представитель свободного государства не может вести переговоры в таком тоне, в каком Вы сочли нужным вести. Разве трудно понять, что немцы наглейшим образом вмешиваются в наши внутренние дела, а Вы вместо того, чтобы оборвать немцев, продолжаете любезничать с ними. Дело дошло даже до того, что “Франкфурт цейтунг” публикует о Ваших разногласиях с Москвой по вопросу об аресте немцев. Дальше идти некуда.

С ком. приветом.

Сталин»².

Так что генсек в затяжке советско-германских переговоров обвинял немецкую сторону и резко раскритиковал в этом вопросе советского полпреда.

---

¹ Там же. Д. 824. Л. 54—61. На бланке полпреда в Германии с грифом «Сов. секретно».

² Там же. Л. 62. Гриф: «Сов. секретно». Автограф карандашом — Л. 63, 63 об., 64. И.О. Шлейфер — член коллегии Наркомторга СССР.

Переговоры с немцами продолжались. 25 января 1929 г. была создана согласительная комиссия для урегулирования разногласий, возникающих при толковании двусторонних договоров¹.

После заключения в 1930 г. соглашения с Германией развитие экономических отношений получило новый импульс. Одним из свидетельств этого процесса является приглашение в СССР группы германских промышленников, о чем зам. наркома по иностранным делам Н.Н. Крестинский сообщал новому полпреду Л.М. Хинчуку 8 января 1931 г., причем копия этого письма была послана Сталину и Литвинову. Сталин пометил на этом документе: «Мой арх. Ст.»².

28 февраля 1931 г. начались в Москве переговоры о предоставлении Германией дополнительных кредитов Советскому Союзу. Во главе советской делегации был председатель ВСНХ СССР Г.К. Орджоникидзе. С немецкой стороны группу германских промышленников представляли Барбет, Конрад фон Борзиг и др. Переговоры закончились 9 марта. Затем, с 10 по 14 апреля продолжились совещания в Берлине. Во главе советской делегации был Г.Л. Пятаков. Соглашение было подписано 14 апреля. Немецкая сторона согласилась на размещение в Германии советских заказов и предоставлении для этой цели кредита в размере 300 млн марок сверх прежнего размера оборота и с удлинением сроков кредита. Германское правительство и Всегерманский союз промышленности одобрили это соглашение, имевшее не только экономическое, но и большое политическое значение. В результате СССР в германском экспорте передвинулся с 11-го места в 1930 г. на 4-е место в 1931 г.³

В том же 1931 г. возникла проблема о переселении в Германию немцев, живших в разных регионах СССР, согласно одному из пунктов заключенного соглашения.

Среди поднятых немецкой стороной вопросов был вопрос о разрешении выселявшимся из СССР германским гражданам вывоза валюты, полученной ими за распродажу своего имущества. НКВД предлагал пойти на уступки и разрешить вывоз валюты. Сталин же в письме на имя Кагановича от 8 сентября отклонил эти предложения. Однако НКВД 10 сентября

¹ ДВП. Т. XII. М., 1967. С. 44—47.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 755. Л. 18—19.

³ См.: ДВП. Т. XIV. С. 118, 247, 749—750.

вторично направил в Политбюро свои предложения, которые были посланы генсеку.

Свою позицию в данном вопросе Сталин подробнее изложил в записке на имя Кагановича 12 сентября 1931 г. Он писал: «От статьи 5 соглашения мы уже отошли, поскольку выручку за недвижимое исключили. Почему нельзя отойти дальше, сославшись на недостаток валюты и нежелание поощрять выселение ввиду недостатка рабочих рук и отсутствия безработицы в СССР. Дело не в 10 тысячах граждан, а в том, что приходится платить ежегодно миллионы валюты. Нам важна потеря миллионов валюты, а не общее количество немецких граждан. К тому же цифра 10 тысяч явно преуменьшена и произвольна. Конфликт на таком вопросе нам ничуть не опасен, особенно после размещения наших заказов в Германии. Надо бороться за каждый рубль валюты. Настаиваю на своем, а там решайте как знаете»¹.

Итак, генсек как рачительный хозяин заботился прежде всего об экономии валюты, а судьбы граждан играли для него в данном случае второстепенную роль.

Осенью 1931 г. советско-германские переговоры по экономическим вопросам продолжились. В связи с этим Каганович сообщал Сталину 5 октября: «Завтра в Политбюро опять поднимется вопрос о посылке Розенгольца (наркома внешней торговли. — С.Х.) в Германию. Прошу сообщить Ваше мнение — целесообразно ли это или ограничиться пока Вейцером (зам. наркома внешней торговли — С.Х.)? Привет!»². На этот вопрос Сталин дал вполне определенный ответ: «Посылать Розенгольца в Берлин ни в коем случае не следует. Время неподходящее, и получится большой минус для нас»³.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76. Л. 60—60 об. Автограф.

² Там же. Д. 76. Л. 88 об.

³ Там же. Л. 88. Автограф, датирован 5 октября 1931 г. Сталин, очевидно, имел в виду, что очередная сессия Советско-германской согласительной комиссии, начавшая свою работу 17 сентября 1931 г., закончила свои заседания 1 октября, не подписав протокола и отчета. И лишь 7 октября (т.е. спустя два дня после обмена письмами между Кагановичем и Сталиным) протокол и отчет были подписаны. На позицию генсека могло повлиять и усилившееся внимание германского правительства к контактам с правительством Франции, причем за счет ущемления интересов СССР в советско-германских отношениях (см.: ДВП. Т. XIV. С. 751).

В тот же период, осенью 1931 г. к наркому обороны К.Е. Ворошилову обратился начальник штаба рейхсвера Адам с просьбой принять его. Об этом нарком сообщил 21 сентября Сталину. Он отметил, что начштаба рейхсвера уже ставил раньше вопрос о приезде в СССР, но получил ответ, что до осени не может быть принят (Ворошилов был в отпуске). Теперь он возобновил просьбу. Своей поездкой немцы, полагает Ворошилов, намерены набить себе цену в глазах Франции. Нужно ли демонстрировать нашу дружбу с рейхсвером, спрашивал нарком. Лучше, по его мнению, поездку не допустить, но если Адам приедет, то ни Ворошилов, ни кто другой с ним беседы вести не будут.

Сталин отвечает 22 сентября: «Полагаю, что мы не можем теперь отказать в приезде Адаму, так как единственный официальный мотив отказа — твой отъезд из Москвы — отпал. Было бы хорошо приурочить его приезд к моменту, после формального подписания пакта с французами. Если это окажется невозможным ввиду, скажем, вероятной оттяжки подписания пакта по вине французов, — придется удовлетворить просьбу Адама теперь же. Что касается беседы с ним, то мы не должны ее бояться, а наоборот, должны быть готовы к ней, стараясь придать ей информационно-деловой характер.

Сталин»¹.

Как видим, Сталин, в отличие от своего соратника Ворошилова, высказался за поддержание сотрудничества с немцами в военной области, в данном случае — за то, чтобы принять в СССР начальника штаба рейхсвера.

Мимо внимания генерального секретаря не проходили публикации в советских газетах, касавшиеся рассматриваемых нами проблем. Так, в августе 1932 г. в ленинградской «Красной газете» была опубликована статья о состоянии вооруженных сил Германии. Она, по мнению Сталина и других деятелей ВКП(б), неправильно освещала этот вопрос.

18 августа Сталин и Молотов направили на имя Кагановича свои предложения: «В связи со статьей в “Красной газете” о вооружениях Германии считаем необходимым немедлен-

¹ Там же. Д. 76. Л. 75—75 об.

но объявить статью неправильной, появившейся по недоразумению и напечатать об этом в “Красной газете”.

Сталин, Молотов»¹.

Каганович 19 августа отвечал Сталину, что ЦК послал зав. агитпропотделом ЦК ВКП(б) А.И. Стецкого в Ленинград, чтобы расследовать обстоятельства помещения в «Красной газете» статьи Кайсарова. Автор — беспартийный, бывший офицер, ныне инженер отделения Союзтранса. «Ваше предложение сегодня же реализуем». не стоит ли дать в «Известиях» статью о разоружении, где изложить положение с вооружениями в Германии². Сталин ответил: «Кайсарова наказать и опубликовать в “Красной газете”. “Известиям” статьи не давать»³.

После этого последовал ряд крутых мер, о чем Каганович 20 августа сообщил Сталину и Молотову. Он писал, что Стецкий выявил «безобразнейшее положение в иностранном отделе “Красной газеты”. Всеми делами в иноотделе заправлял Шварсолон, — беспартийный, 50 лет, обрусевший француз, бывший гвардейский офицер, в годы гражданской войны сидел в концентрационном лагере за фабрикацию удостоверений для перехода границы, будучи секретарем тогдашней “Экономической жизни”». После войны он попал в число сотрудников НКВД, был выставлен оттуда за подозрительные связи с иностранцами. Работал затем в ТАСС, в газете «Смена», потом в «Вечерней красной газете». «Живет широко, — отмечал Каганович. — Он и дал заказ на статью Кайсарова. Шварсолон арестован, и ОГПУ начало следствие. Кайсаров тоже арестован.

---

¹ Там же. Д. 78. Л. 32. Автограф Сталина. Самой статьи в деле нет и нет чьего-либо сообщения о ее содержании. Гнев генсека могла вызвать статья, опубликованная 12 августа 1932 г. под заголовком «За советским рубежом» и подписанная инициалами «Ю.Я.». Речь идет прежде всего о следующем абзаце: «Конечно, даже перевооруженный рейхсвер не будет представлять собой опасность для Франции. Но не то в Польше: там господствующие классы чувствуют себя спокойно только до тех пор, пока уверены в слабости Германии... Всякое усиление военной мощи Германии польский империализм принимает как угрозу себе». Такая оценка расходилась с официальной позицией в этом вопросе советского руководства.

² Там же. Л. 39.

³ Там же. Л. 38. Написано рукой секретаря Сталина — Чечулина. Датировано 19 августа.

Решили: а) объявить выговор редактору “Красной газеты” Сыркину, за небрежное отношение к своим обязанностям и за плохой подбор сотрудников;

б) объявить выговор секретарю редакции Анисимову и снять его с газетной работы;

в) упразднить иностранные отделы в “Красной газете” (утренней и вечерней) и “Вечерней Москве”, обязав редакторов лично просматривать помещаемые в газетах инотелеграммы;

г) поручить культпропу ЦК в срочном порядке проверить работу и состав сотрудников иностранных отделов других газет с тем, чтобы свести число газет с иностранными отделами до минимума».

д) ленинградскому обкому партии было предложено в двухдневный срок назначить редактора «Вечерней газеты» и укрепить иностранный отдел «Ленинградской правды»;

«е) очистить “Красную газету” от примазавшихся к ней жуликов прежней бульварной прессы — бывшей “Биржевки” и др.»;

ж) ОГПУ предлагалось в срочном порядке закончить следствие по делу Шварсолона — Кайсарова.

21 августа Сталин и Молотов сообщали Кагановичу: «Предлагается добавить к решению такой пункт: “Обязать секретариат Ленобкома следить за тем, чтобы впредь не имели места подобные ошибки в ленинградской печати”»¹.

Особое внимание германским делам стал уделять Сталин с 1932 г., когда угроза прихода фашистов к власти стала очевидной. В августе 1932 г. проходили выборы в германском рейхстаге. Сталин с Молотовым направили Кагановичу 18 августа свои предложения для германских коммунистов. Приводим их текст: «По вопросу о голосовании комфракции при выборах председателя рейхстага предлагаем держаться следующей позиции: при первом голосовании мы выставляем нашу кандидатуру. При втором голосовании снимаем свою кандидатуру и отдаем свои голоса социал-демократу, заявив, что голосуем за социал-демократа, чтобы не содействовать прохождению фашиста.

Сталин. Молотов»².

¹ Там же. Д. 78. Л. 44—45 об.

² Там же. Л. 34—35.

Подобная ситуация возникла осенью 1933 г., когда новый канцлер А. Гитлер назначил выборы в рейхстаг.

О позиции ВКП(б) и Коминтерна Каганович и Молотов доложили Сталину 26 октября.

Они отмечали, что обстановка в Германии, в которой происходит кампания в связи с выборами в рейхстаг 12 ноября и референдум, назначенные после выхода Германии из Лиги наций и конференции по разоружению, такова, что вести избирательную кампанию путем выставления своих кандидатов запрещенная компартия лишена возможности. Будет фигурировать один список — национал-социалистов в рейхстаг и бюллетень для референдума «да» и «нет» (одобрение или неодобрение внешней политики).

Коминтерновцы предложили:

- 1) призывать избирателей бойкотировать выборы;
- 2) там, где фашисты будут заставлять избирателей насильно участвовать в выборах, перечеркивать как список с именами национал-социалистов, так и бюллетень референдума.

КПГ должна вести кампанию под лозунгами против Версальского договора; союз рабочих Германии со всеми рабочими против фашизма и политики войны, против голода и террора, «долой фашистскую диктатуру». Руководство КПГ в стране согласно с предложениями коминтерновцев, а загранбюро ЦК КПГ предлагает участвовать в выборах, перечеркивая национал-социалистский список, а в референдуме голосовать «нет». Заграничное руководство с.-д. партии Германии тоже предлагает участвовать в выборах и предлагает такой же метод голосования, как и загранбюро ЦК КПГ.

Каганович и Молотов заключали: «Мы согласны с мнением коминтерновцев. Вопрос спешный — просим сообщить Ваше мнение»¹.

Сталин ответил в тот же день: «Коминтерновцы неправы. Предлагаемый ими бойкот есть не активный бойкот большевистского толка, а простое воздержание от выборов, простой абсентеизм. Такой бойкот большевики никогда не признавали. Большевики признают лишь активный бойкот, связанный с революционными действиями и имеющий своей целью подо-

---

¹ Там же. Д. 82. Л. 56 об.

рвать или даже сорвать выборы. Но такой, единственно приемлемый бойкот, теперь невозможен в Германии. Поэтому правы не коминтерновцы, а загранбюро ЦК КППГ. Надо принять участие в выборах в смысле перечеркивания фашистских списков и голосования “нет” по референдуму. Надо создать на этой базе единый антифашистский фронт с социал-демократическими рабочими и повести последних за собою с тем, чтобы провести это дело под платформой коммунистов и под их руководством. Всякая другая политика пойдет на пользу фашистам и социал-демократам.

Сталин»¹.

После прихода Гитлера к власти отношения СССР с Германией приобрели сложный характер. С одной стороны, сохранилась антифашистская направленность советской внешней политики, а с другой — не возникло намерение рвать все и всякие связи с Германией.

Когда осенью 1933 г. зам. наркома по иностранным делам Н.Н. Крестинский был с визитом в Австрии, германское правительство направило ему приглашение посетить на обратном пути Берлин и встретиться с рейхсканцлером Гитлером. Однако было решено от этого визита уклониться. Молотов и Каганович информировали Сталина 14 октября: «Дирксен сообщил Хинчуку в Берлине, что германское правительство поняло как политическую демонстрацию нежелание Крестинского быть в Берлине после того, как рейхсканцлер выразил желание встретиться с ним. Литвинов ругал Хинчука за неловкое поведение, но считает ненужным и даже неудобным теперешний заезд Крестинского в Берлин из Вены, где он сейчас находится по лечебным делам...

Считая нецелесообразным подчеркивать ухудшение наших отношений с Германией, мы думаем, что Крестинский должен заехать в Берлин и зайти к Гитлеру, поскольку последний сделал такое предложение». Сталин выразил в тот же день согласие².

Но спустя два дня Молотов и Каганович писали генсеку: «Ввиду изменившейся обстановки в связи с выходом Германии из Лиги Наций, вопрос о заезде Крестинского в Берлин,

¹ Там же. Л. 56—56 об. *Автограф*.

² Там же. Д. 81. Л. 141. Дирксен Г. — посол Германии в СССР в 1928—1933 гг.

по-нашему, должен отпасть». Сталин в тот же день дал ответ, который подписал и Калинин: «Непонятно, почему должен отпасть вопрос о заезде Крестинского. Какое нам дело до Лиги Наций и почему мы должны произвести демонстрацию в честь оскорбленной Лиги и против оскорбившей ее Германии? Может быть, нам не все обстоятельства известны? О выходе из Лиги мы узнали лишь из вашей шифровки, и больше нам ничего неизвестно»¹.

Как видим, позиция совсем иная, чем у Молотова и Кагановича.

Осложнения в отношениях с Германией возникли в связи с освещением судебного процесса в Лейпциге о поджоге рейхстага. На этот процесс немецкие власти допустили корреспондентов всех стран, за исключением советских журналистов (в том числе представителя ТАССа). Нарком по иностранным делам М.М. Литвинов предложил заявить протест и предупредить власти Германии, что СССР со своей стороны не останется в долгу и вышлет их корреспондентов и отзовет своих. Об этом сообщали Сталину Каганович и Молотов 22 сентября 1933 г. В тот же день генсек сообщил о своем согласии с такой позицией НКВД².

30 сентября поступило сообщение о вербальной ноте германского МИДа, где излагались причины недопущения советских журналистов на Лейпцигский процесс³. ТАСС подготовил текст сообщения в качестве ответа на эту ноту германского МИДа от 29 сентября. 2 октября Сталин дал согласие на текст этого сообщения⁴.

Этот инцидент получил затем благоприятный исход. Как сообщили Сталину Каганович и Молотов 21 октября (в 0 час. 26 минут), из Берлина получена телеграмма полпреда Л.М. Хинчука на имя М.М. Литвинова. В ней говорилось: «Фишер (отв. сотрудник германского МИДа. — С.Х.) заявил, что Гитлер лично отдал распоряжение о допуске наших журналистов Беспалова

---

¹ Там же. Л. 144—144 об.

² Там же. Л. 33.

³ Там же. Л. 69—71.

⁴ Там же. Л. 81. Лейпцигский процесс проходил с 21 сентября по 23 декабря 1933 г. Он был направлен против коммунистов, ложно обвиненных в поджоге рейхстага в Берлине. Под давлением международной общественности суд был вынужден оправдать коммунистов во главе с Георгием Димитровым.

и Кайт на процесс». Он выразил уверенность, что советские журналисты будут объективны. «Я указал, — сообщал Хинчук, — что наши журналисты всегда были объективными в своей информации. Поэтому не было никаких оснований их лишать права быть на процессе... Виновник в аресте Беспалова и Кайт будет подвергнут взысканию. Я указал, что необходимо опубликование этого. Фишер поставил вопрос о судьбе немецких журналистов. Я ответил, что сообщу в Москву и выясню, как обстоит этот вопрос...»

Судя по информации полпреда, МИД Германии обошло молчанием возвращение на процесс в Лейпциге журналиста газеты «Правда» Черняка.

Каганович и Молотов в связи с этим сообщали Сталину: «Мы думаем, что можно не настаивать на допущении представителя “Правды” на процесс... Мы пустим обратно немецких журналистов» (если будут выполнены наши условия — допуск двух человек и публикация о наказании виновных в инциденте. Черняк должен получить право вернуться в Берлин.

Сталин в тот же день выразил согласие со всеми этими пунктами¹.

Следующий день, 22 октября в 3 часа 05 минут Каганович и Молотов сообщали Сталину: Литвинов выезжает через 2—3 дня, будет проезжать через Германию. Он спрашивает, нужно ли останавливаться в Берлине или проехать не выходя из вагона. «Мы полагаем, что ему целесообразно остановиться в Берлине и не отказываться от беседы с Нейратом². Или, если пожелает Гитлер, то и с ним... Мы не намерены углублять конфликт, мы готовы сделать все необходимое для восстановления прежних отношений».

И далее они сообщали: в Париже Литвинову следует встретиться с министром иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкуром, если соответствующее предложение ему будет сделано. Сталин в тот же день (в 13.10) ответил согласием³.

Несмотря на приход к власти в Германии национал-социалистов, СССР продолжал экономические отношения с этой

¹ Там же. Д. 82. Л. 25.

² Нейрат (фон Нейрат К.) — министр иностранных дел Германии в 1932—1938 гг.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 82. Л. 29.

страной. Конечно, в этих отношениях возникали и трудности. Одним из спорных вопросов был вопрос о получении германского кредита.

2 сентября 1934 г. в 23 часа 39 минут Каганович и Молотов направили Сталину в Сочи депешу. В ней они сообщали, что немцы в разговоре с Вейцером дали понять, что пойдут на пятилетний кредит, если мы согласимся пункт о текущих заказах принять в их формулировке, т.е. будем стремиться к тому, чтобы сумма текущих заказов оставалась на уровне последних 12 месяцев (это около 45 млн марок). По вопросу о текущих заказах последняя директива была пойти на 20, в крайнем случае на 30 млн марок.

«Считаем возможным заключить соглашение на базе пятилетнего кредита (до этого 5 1/2 лет. — С.Х.) и процентной ставки, равной учетной ставке рейхсбанка плюс 2,1%, т.е. 6,1% (до того 6% годовых. — С.Х.), но не идти на обязательство по текущим заказам свыше 30 млн марок»¹. Вот что ответил Сталин (3 сентября): «Согласен о вашем предложением при условии, что, первое — ваше предложение означает последнюю уступку и больше уступать не будем, — второе — при выдаче нами заказов немцы обязуются открыть нам доступ во все без исключения заводы, в том числе — в целлюлозные заводы, во все другие химические заводы, в военные и авиационные заводы и вообще во все заводы и институты без ограничения, чтобы мы имели возможность реализовать полностью свое право свободных заказчиков. Без этих условий советую не подписывать договора, ибо мы не намерены покупать у них всякое барахло»².

Иногда Сталин получал информацию, не реагируя на нее письменно.

Так было, например, при получении телеграммы Бессонова из Берлина (3 сентября 1934 г.). Вот ее текст: «Гитлер назначил на 12 сентября официальный прием дипломатического корпуса. Шеф протокола Аусамта (министерства иностранных

¹ Там же. Д. 84. Л. 86. И.Я. Вейцер — нарком внутренней торговли СССР.

² Там же. Л. 86 — 86 об. *Автограф*. В духе ответа Сталина Политбюро ЦК приняло 3 сентября 1934 г. постановление «О торговых переговорах с немцами» (см. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939. С. 315).

дел. — С.Х.) предлагает организовать вручение верительных грамот [нового полпреда] Сурица в этот же день за час до официального приема»¹.

Сталин продолжал взыскательно относиться к условиям экономических соглашений с Германией.

13 сентября 1934 г. Куйбышев направил в Сочи для Сталина текст телеграммы сотрудника советского торгпредства в Берлине Фридрихсона о наших заказах на германских предприятиях. На другой день Сталин обратился в ЦК ВКП(б) с вопросом: «Остается ли в силе и до какого срока наш кабальный золотой договор с немцами, в силу которого мы обязываемся продавать немцам все добываемое у нас золото». Упомянув проект договора о пятилетнем кредите, Сталин писал: «Договор с немцами — очень серьезное дело... Фридрихсон по молодости торопится, но торопливость в большом деле опасна. Торопливость в данном случае нужна не нам, а немцам, которые договором с нами хотят спутать карты в Европе, сгладить плохое впечатление от своего отказа от Восточного пакта, посеять недоверие к нам у французов и улучшить свое внутреннее положение. Советую не торопиться с немцами: немцы от нас не уйдут, так как они нуждаются в договоре с нами больше, чем мы»².

1 октября 1934 г. Сталин направил Кагановичу очередную записку с предложением об отсрочке заключения договора с Германией на поставку товаров³.

Подобную позицию в данном вопросе Сталин занял и в записке на имя Кагановича в тот же день, 1 октября 1934 г. Он сообщал, что получил записку зам. наркома внешней торговли Элиавы с номенклатурой заказов в Германии. «Номенклатура не годится, — писал генсек, — Серго говорит, что две трети товаров по всей этой номенклатуре можем производить сами в достаточном количестве. Стало быть, договор с немцами при такой номенклатуре будет кабалой, так как будем вынуждены платить за ненужные нам товары. Лучше отложить вопрос еще на несколько дней, а потом обсудим его совместно»⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 84. Л. 90. Я.З. Суриц был полпредом СССР в Германии в 1934—1937 гг.

² Там же. Д. 85. Л. 26, 31. *Автограф Сталина* — Л. 32—32 об.

³ Там же. Д. 87. Л. 94.

⁴ Там же. Д. 86. Л. 1. *Автограф Сталина* — Л. 3—4.

Еще 14 и 15 августа, а также 3 сентября 1934 г. Сталин отправил на имя Кагановича и Молотова шифровки об условиях получения кредита в Германии¹. Следует отметить при этом резкий ответ генсека на сообщение от 14 августа Кагановича и Молотова о сумме и условиях германского кредита². А 30 августа генсек сообщал Кагановичу: «...С поездкой Сурица в Берлин не следует торопиться, лучше будет отложить»³. С этим предложением не согласился нарком М.М. Литвинов. Помощник Сталина Б.А. Двинский послал в Сочи 3 сентября 1934 г. телеграмму Литвинова из Праги от 1 сентября: «Сурицу незачем откладывать отъезд и заранее иметь заготовленный ответ на теоретические вопросы. Пусть Германия сперва дает ясный ответ, принципиальный, а мы уже будем обсуждать детали. Если она готова принять пакт условно, то пусть перечислит условия, и мы их обсудим. Не надо Сурицу давать ответ даже о сроках, пока вопрос не обсужден нами с Францией... Надо заблаговременно выяснить в Париже о шансах вступления в Лигу...»⁴.

В связи с приходом в Германии фашистов к власти стала более активной деятельность наших спецслужб в этой (и не только) стране. Приведем некоторые документы. Посол Великобритании в Германии сэр И. Фиппс направил 7 февраля 1934 г. министру иностранных дел своей страны сэру Дж. Саймону очередную информацию (получена 12 февраля).

Она оказалась на рабочем столе Сталина. Посол сообщал: «Режим [Гитлера] держится так крепко и штурмовые отряды столь дисциплинированы, что он может быть подвергнут опасности лишь в результате серьезного восстания или медленного процесса разложения изнутри» (здесь и далее подчеркнуто Сталиным).

Посол Англии отмечал также негативные моменты в жизни немецкого народа: «Пустые театры, обанкротившиеся книжные магазины, голодающие писатели, артисты и композито-

¹ Там же. Д. 87. Л. 67, 68, 87.

² Там же. Д. 83. Л. 64.

³ Там же. Д. 84. Л. 58—59. Написано рукой Сталина, но его подписи нет. Я.З. Суриц был только что утвержден в качестве полпреда СССР в Германии. Проработал в этой должности до 1937 г.

⁴ Там же. Л. 89. Реакция Сталина на эту телеграмму в деле не зафиксирована.

ры все время напоминают о том, что культурной жизни Берлина грозит опасность исчезнуть под режимом национал-социалистов».

Сталин подчеркивает и следующий текст: «В течение 1933 г. из Германии выехало около 60 000 беженцев, — теперь кажется, что культурная жизнь Германии в результате этого приостановилась». В первый год у власти Гитлера «...его единственным выдающимся успехом является его довольно парадоксальный успех в области иностранной политики...

Внутри страны по-прежнему не существует социализма, который он пообещал насадить... Вместо истинного социализма рабочим неоднократно преподносился призрак социализма...»¹.

19 апреля 1934 г. зам. председателя ОГПУ Я. Агранов послал Сталину копию английского документа от 5 февраля того же года. Он представлял собой сообщение посла Англии в Берлине И. Фиппса министру иностранных дел от 31 января 1934 г. (получено в МИДе Англии 5 февраля). Посол сообщал о заявлении Гитлера: «Лучше быть уважаемым и нелюбимым, нежели быть слабым и любимым». Далее посол писал: «...в области иностранных дел на канцлера нет никаких личных влияний. Его политика проста и прямолинейна, и ее поддерживает вся нация...» «В отношении России, однако, Гитлер готов оставить чувство в стороне и проводить политику реальности». Генсек, ознакомившись с документом, на первом листе начертил: «Мой архив. И. Ст.»².

Генсек продолжал регулярно получать информацию наших осведомителей, работавших за пределами СССР. Так, из британского посольства в Берлине Филипп Николс (за посла господина Мерей) писал в Форин офис (англ. министерство иностранных дел) на имя г-на Орди. Это сообщение сотрудники ОГПУ сумели заполучить, и зам. пред. ОГПУ Я. Агранов 29 апреля 1934 г. направил его Сталину. Генсек, ознакомившись с этим документом, на первом листе начертил: «Мой арх[ив]. И. Ст.»³. На другой записке Агранова (от 11 апреля 1934 г.) есть пометки Сталина. Это было агентурное сообщение, полученное иностранным отделом ОГПУ из Берлина. Генсек выразил свое от-

¹ Там же. Д. 186. Л. 68—69, 76—78.

² Там же. Л. 54. Весь документ — Л. 54—62.

³ Там же. Л. 128.

ношение к этому сообщению: «Мой архив. И. Ст. Много глупостей, но все же интересно». Речь шла о разных фактах, касавшихся деятельности германского правительства¹.

7 мая 1934 г. Я. Агранов направил Сталину еще один документ — очередное сообщение посла Великобритании в Берлине И. Фиппса. 5 декабря 1933 г. посол сообщал Дж. Саймону (получено адресатом 8 декабря), что он сегодня был принят канцлером (т.е. Гитлером) и провел с ним 3/4 часа. На встрече присутствовал также министр иностранных дел барон фон Нейрат.

Генсек ознакомился с информацией и написал на первом листе документа: «Мой архив. И. Ст.»².

Добытые советской разведкой документы позволяли руководству СССР более основательно оценивать политику Германии.

Осенью 1934 г. в Марселе произошло убийство министра иностранных дел Франции Барту и короля Югославии Александра. Стрелял житель Загреба коммерсант Петр Калеман (об этом сообщил Сталину Двинский 9 октября 1934 г.). Свою оценку этим террористическим актам Сталин, находясь в отпуске, дал в шифровке от 12 октября 1934 г. на имя Молотова и Жданова: «По-моему убийство Барту и Александра — дело рук немецко-польской агентуры. Убийство Дука в Румынии и Дольфуса в Австрии — тоже дело рук немецко-фашистской агентуры, совершенное в целях изменения политики Румынии и Австрии...»³.

Сталин проявлял завидное хладнокровие при получении негативной информации. К примеру, в одни и те же сутки 15 сентября 1935 г. ему доставили телеграмму нашего полпреда в США А.А. Трояновского (о ней пойдет речь в другом месте нашей работы) и переданное ему Кагановичем и Молотовым сообщение бюллетеня ТАСС не для печати о ходе съезда немецких национал-социалистов. Они писали, что «получили те-

---

¹ Там же. Л. 131—137. *Резолюция Сталина — автограф (запись карандашом зеленого цвета — Л. 131).*

² Там же. Л. 17. Весь документ — Л. 17—23.

³ Там же. Д. 86. Л. 89, 26. Й. Дука — премьер-министр Румынии, убит в декабре 1933 г.; Э. Дольфус — федеральный канцлер Австрии, убит в июне 1934 г.

леграмму от Бессонова», в которой тот сообщал, что «сегодня в берлинских журналистских кругах, по информации, идущей из Лондона, распространился слух о том, что немцы накануне разрыва отношений с нами и что этот разрыв предрешен. В связи с антисоветскими речами Розенберга¹, в особенности Геббельса, агентство запрашивает нас, как мы намерены реагировать». Авторы письма сообщали, что вызвали представителей печати и дали указания, чтобы критически осветить фашистский съезд. «Что касается официального реагирования, то придется реагировать завтра — послезавтра — после заседания рейхстага».

На это сообщение генсек ответил в тот же день (в 12 час. 20 мин.): «Насчет Германии и Нюрнбергского съезда национал-социалистов мой совет — не делать в нашей печати истерического шума и не поддаваться вообще истерике наших газетчиков. Нюрнберг есть ответ на конгресс К[оммунистического] И[нтернационала]. Гитлеровцы не могут не ругаться, если иметь в виду, что конгресс КИ облил их помоями и смешал с грязью. Пусть критикует их “Правда” принципиально и политически, но без площадной брани. “Правда” могла бы сказать, что Нюрнберг подтверждает данную конгрессом КИ квалификацию национал-социализма как самой дикой формы шовинизма, что антисемитизм есть звериная форма шовинизма и человеконенавистничества, что антисемитизм с точки зрения истории культуры есть возврат к каннибализму, что национал-социализм в этом отношении даже неоригинален, ибо он рабски повторяет русских погромщиков времен царя Николая второго и Распутина. Что касается рейхстага, то посмотрим, как он поведет себя. Сталин»².

Как видим, Сталин проявил подлинное хладнокровие в оценке поведения национал-социалистов и вместе с тем дал резкую оценку их идеологии и государственной практике, в том числе и по вопросу антисемитизма.

16 сентября 1935 г. он получил текст речи Гитлера на заседании рейхстага. «Мы думаем, — сообщалось из ЦК ВКП(б), — протеста можно не посылать», хотя в речи содержались выпя-

---

¹ А. Розенберг — с 1933 г. руководитель внешнеполитического отдела национал-социалистской партии Германии.

² Там же. Д. 89. Л. 114—117. Автограф.

ды против СССР. Генсек не отреагировал вообще на это сообщение¹.

В целом касательно советско-германских отношений генсек проявлял себя как прагматически мыслящий государственный деятель, активный защитник политических и экономических интересов своей страны, разоблачитель идеологии и практики немецких фашистов, сторонник широких связей с Германией, включая и сотрудничество в военной области (в основном до прихода Гитлера к власти) с целью, кроме всего прочего, нейтрализовать действия некоторых государственных деятелей Англии, Франции и США, направленные на создание антисоветского блока. Одним из таких крупных шагов явилось заключение 23 августа 1939 г. договора о ненападении между СССР и Германией, что расстроило упомянутые нами планы западных держав.

е) Наш заокеанский оппонент и партнер

Отношения советской России и Соединенных Штатов Америки складывались непросто. Недобрым симптомом явился отказ американского президента Вильсона от предложения главы советского правительства В.И. Ленина о заключении концессионных договоров (июль 1918 г.). И несмотря на участие США в военной интервенции против России, Ленин продолжал высказываться за налаживание экономических отношений с заокеанской державой. Он заявлял в октябре 1919 г.: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но особенно с Америкой»².

Масштаб экономической мощи США выглядел несравнимо с Советским Союзом (даже после восстановления довоенного уровня развития народного хозяйства). Так, в 1926/27 г. национальный годовой доход в СССР составил 22 млрд руб., тогда как в США — 130 млрд золотых рублей (т.е. на душу населения соотношение было 166 руб. в СССР и 1500 руб. — в США)³.

¹ Там же. Д. 53. Л. 70—71.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 209.

³ См.: Бутковский Вл. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. Предисловие В.Н. Ксандрова. М.; Л., 1928. С. 9—10.